

И. Ю. Котин

ОБЩИНА ПАРСОВ (ЗОРОАСТРИЙЦЕВ) В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ БОМБЕЕ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ РОХИНТОНА МИСТРИ)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье анализируется изображение жизни общины парсов (зороастрийцев) в творчестве канадского писателя индийского происхождения Рохинтона Мистри. Анализируется цикл рассказов Мистри «Истории из Фирозшах Багх», романы «Столь долгое путешествие» и «Дела семейные». Автор статьи рассматривает, как изображены в этих произведениях парсы, индусы, мусульмане, сикхи, кому принадлежит авторская симпатия, кто вызывает жесткую критику автора, каким он видит будущее общины парсов и самого Бомбея. При огромной любви к Бомбею Мистри констатирует отсутствие перспективы в этом городе для парсов-зороастрийцев, неслучайно и сам он иммигрировал в Канаду, где и создал серию произведений, посвященных парсийской тематике. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: Индия, Бомбей (Мумбаи), парсы, зороастрийцы.

PARSI (ZOROASTRIAN) COMMUNITY AS SEEN IN ROHINTON MISTRY'S WORKS

I. Yu. Kotin

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In this article the author analyses the depiction of the Parsi (Zoroastrian) community in stories and novels of the Canadian author of Indian origin, Rohinton Mistry. Rohinton Mistry was born in India and left the country during the political crisis in 1975. Though he established himself well in Canada Rohinton Mistry felt a great deal of nostalgia for India and Bombay and made the fate of his tiny community the main theme of his prose. Mistry depicts Parsees as old and established community in the largest Indian metropolis who, however, is losing its influence due to political change. Though very nostalgic about India and Bombay Mistry is extremely pessimistic about the fate of his community there. Refs 9.

Keywords: India, Bombay (Mumbai), Parsi (Zoroastrian community).

Парсами в Индии называют зороастрийцев — выходцев из Ирана, оказавшихся на территории Индийского субконтинента в X в. н.э. Священные книги парсов называют даже точную дату этого события. Согласно преданиям парсов, «отцы-основатели их общины высадились на побережье Гуджарата на западе Индии в день Бахман месяца Тир, в 992 г. эры Викрамы, что соответствует 936 г. н.э.» [1, с. 240]. Впрочем, из-за разночтений в старых парсийских манускриптах существует версия прочтения этой даты как 636 год [1, с. 240], и среди парсов популярно мнение, что их предки появились в Индии сразу после завоевания Ирана арабами и начала его исламизации. Зороастризм как учение возник в Иране на основе местных верований под влиянием проповедей пророка Заратуштры. С. Н. Соколов, кратко характеризуя ранний период развития этой религии, пишет:

Религия иранских племен в период, предшествовавший эпохе, связанной с именем Заратуштры, представляла собой политеизм, выросший из поклонения силам природы [2, с. 7].

Зороастризм стал «первой в истории европейских народов религией откровения, иначе говоря, верой, полученной от божества путем пророческого прозрения. Заратуштра первым бескомпромиссно разделил добро и зло, не допуская смешение этих категорий. Первым разорвал круговорот истории, выпрямив ее линию от момента сотворения мира и до конца, не известного прежним европейским религиям. Первым проповедовал приход Спасителя и телесное воскресение мертвых, воздаяние и райское блаженство праведникам и адские муки грешникам. Первым назвал высшую цель создания человека как единственного из всех творений, обладающего волей избрать либо добро либо зло, и способного повлиять на ход мировой истории» [3, с. 2]. Как отмечает исследователь зороастризма В. Ю. Крюкова, «при всех своих различиях вера сохраняла общие основания и во время правления Ахеменидов и Сасанидов была признана общегосударственной, но лишь после мусульманского завоевания Ирана, став религией меньшинства, она окончательно приобрела свои завершённые формы» [3, с. 3]. Таким образом, Индия стала одним из центров сохранения зороастризма. Древнейшее поселение парсов Санджан на острове Диу стало важным зороастрийским священным центром и местом приема беженцев из Ирана, спасавшихся от преследования арабов и избежавших в Индии насильственной исламизации. Позднее парсы осели и в других городах Гуджарата, таких как Ванканер, Броач, Анклесар, Камбей и Навсари [1, с. 242]. Вскоре парсы появились и в крупнейшем порте Гуджарата Сурате. В 1758 г. англичане, обосновавшиеся в Сурате, пригласили в свою факторию богатых банкиров и предпринимателей из числа парсов. Затем парсы освоили и основанный англичанами южнее Сурата в землях маратхов порт Бомбей. Бомбей стал настоящим благословенным краем для парсов, ибо только здесь они не подвергались дискриминации и унижениям со стороны местных властей, да и в целом в Индии отношение к ним было более терпимым, чем в Иране. Бомбей в XIX и первой половине XX в. стал тем краем, где расцвели бизнес парсов, их адвокатская и предпринимательская, а также научная, образовательная, благотворительная деятельность.

Для парсов Бомбея эпоха до обретения Индии независимости — золотой век в истории общины. По иронии судьбы именно парсы стояли у истоков создания индийской националистической партии Индийский национальный конгресс (ИНК), приведшей страну к независимости. Среди выдающихся индийских борцов за независимость — один из отцов-основателей ИНК Дадабхай Наороджи. Среди крупнейших предпринимателей Индии — Джамшед Тата, основавший в первой половине XX в. бизнес-империю, процветающую до сих пор.

До недавнего времени у парсийской общины Индии не было своего бытописателя. Таким певцом зороастрийцев Бомбея, показавшим и их бывшее величие, и незавидное положение в 1970-е годы, стал Рохинтон Мистри.

Рохинтон Мистри — канадский англоязычный писатель индийского происхождения. Его относят к ведущим авторам индо-английской литературы. Рохинтон Мистри родился в 1952 г. в Бомбее, учился в престижном колледже Св. Ксавье (Ксаверия) и иммигрировал в Канаду в 1975 г., собственным примером олицетворив общую тенденцию к исходу парсов из Бомбея. В Канаде Мистри поступил в Университет Торонто, где получил степень бакалавра по английскому языку и философии. Затем он работал клерком в банке, в свободное время занимаясь писательским трудом. Уже в студенческие годы Мистри опубликовал несколько рассказов в лите-

ратурных журналах Канады, а через два года после окончания университета вышел сборник рассказов Мистри «Истории из Фирозшах Баг». Фирозшах Баг — многоквартирный дом в Бомбее, населенный преимущественно парсами, — единоверцами Мистри и главными героями его произведений (подробнее см.: [4, р. 219–228]).

Отметим, что Рохинтон Мистри покинул Бомбей в 1975 г., в один из самых тяжелых периодов в жизни города и страны. После беспорядков, учиненных в Бихаре и Гуджарате сторонниками теоретика «перманентной революции» Джай Пракаш Нараяна, в Индии по просьбе премьер-министра Индиры Ганди было введено чрезвычайное положение. Ситуация анархии сменилась беспределом власти. В Бомбее это время отмечено также усилением маратхских националистов, стремившихся добиться полноты власти в мегаполисе, который они называли Мумбаи, именем, крайне неприятным Рохинтону Мистри и ассоциировавшимся для парсов с махараштрским (маратхским) радикализмом. Парсы Бомбея, долгое время бывшие представителями самой богатой, успешной и влиятельной общины города, остались не у дел. Они оказались жертвами и лингвистической дискриминации, ибо партия Бала Тхакре (Тхакерея) «Шивсена» проводила под лозунгом «Махараштра для махараштрцев» кампанию по внедрению в качестве основного и единственного языка общения маратхи, вытесняя язык гуджарати, на котором говорят парсы и джайны, представители крупнейших бизнес-элит города. Примечательно, что известный романист Найпол, побывавший в Индии и в Бомбее первый раз именно в это время, пишет о «Шивсена» не без симпатии, отмечая, что это единственная партия, интересующаяся судьбой городской бедноты. Но Рохинтон Мистри уезжает из Индии, и кошмар анархии и чрезвычайного положения, маратхского радикального национализма и разорения старых парсийских семейств, с одной стороны, его долго преследует, с другой — дает толчок к творчеству.

Первые рассказы Мистри — нехитрые истории, в которых обыгрывается быт малоизвестных в Канаде, а потому экзотических парсов. Уже в этих рассказах, как отмечает канадский литературовед Дженифер Такхар, Мистри касается таких тем, как «зороастрийская религия, общая история миграции парсов из Ирана, поиск убежища в Индии, вхождение в колониальную элиту (в Британской Индии) и мучительная потеря ими привилегированного статуса в постколониальной Индии» [5]. Все эти темы получили дальнейшее развитие в других произведениях теперь уже канадского писателя Рохинтона Мистри.

Первая большая вещь Мистри — роман «Столь долгое путешествие», «Such a Long Journey» (1991), получивший литературную премию генерал-губернатора Канады, выдержавший в 1990-е годы шесть переизданий и экранизированный в 1998 г., эксплуатирует обе важнейшие темы творчества Рохинтона Мистри — тему Индии в годы чрезвычайного положения и жизнь парсийской общины в мультикультурном Бомбее. Главный герой романа — клерк Густад Нобле, содержащий жену Дилнаваз и троих детей. Семья живет трудно. Все осложняется трудностями чрезвычайного положения. Даже газеты не купить: нужно сдать макулатуру — старые газеты — и заплатить стоимость печати за листы, наполовину пустые (вместо запрещенных цензурой статей — пустые места). Надежда в семье возлагалась на успешного старшего сына Сохраба, но тот отказывается стать студентом престижного Индийского института технологии, куда уже был зачислен по результатам выпускных экзаменов в колледже. Сохраб выступает бунтарем против законов

общества. Его интересует искусство, а не деньги. В семье царит атмосфера разочарования. К тому же младшая дочь Густада тяжело заболевает. Бедность в семье грозит превратиться в нищету. Вскоре Густад получает письмо от старого друга Билли Бильмориа, касающееся сомнительных денег, хранителем которых военный офицер Бильмориа стал по поручению премьер-министра (Индиры Ганди).

Вероятно, в основе сюжета — скандал с деньгами, получивший название «Дело Нагарвалы». 24 мая 1971 г. главный кассир Государственного банка Индии Вед Пракаша Малхотра якобы получил устное указание по телефону от премьер-министра Индиры Ганди выплатить шесть миллионов рупий человеку, который будет ждать его в назначенный час на определенной улице, что и было исполнено. Позднее оказалось, что звонила не Индира Ганди. Голос Ганди имитировал некто Нагарвала, бывший военный и служащий индийской разведки. Нагарвала был осужден, но общественность насторожила практика выдачи незарегистрированных крупных сумм неизвестным лицам по устному указанию Индиры Ганди. Видимо, также по устному поручению премьер-министра на некие цели получил деньги и полковник Бильмориа, и теперь эти деньги нужно где-то сохранить.

Густад едет по Индии по поручению Билли. Разные печальные происшествия во время этой поездки бросают свет на тот или иной аспект жизни Густада. Основные события происходят в родном и любимом городе Рохинтона Мистри — Бомбее, городе, две общины которого — маратхская и гуджаратская — долгие годы жили мирно, но новые обстоятельства толкают маратхов к попытке доминирования, а гуджаратцы чувствуют враждебность своего родного города. Среди гуджаратцев не последнее место занимают парсы, бывшие при англичанах наиболее богатой, просвещенной и влиятельной группой населения города, стоявшие у истоков индийского национально-освободительного движения. Среди них — отцы-основатели Индийского национального конгресса Ферозшах Мехта и Дадабхай Наороджи.

Раздел населения Бомбея прошел не только по линии лингвистической «маратхи — гуджаратцы». В положении изгоев и с ярлыком предателей оказались многочисленные бомбейские мусульмане, выходцем из которых некогда был основатель Пакистана Мухамад Али Джинна. Мусульмане отнесены индусами к «поедателям говядины», и формально к ним можно отнести и парсов — выходцев из Персии и мясоедов, еще недавно совершавших даже жертвоприношение коровы. Парсы в независимой Индии постепенно теряют свое лидирующее положение в экономике и политике. Автор романа считает Индиру Ганди одной из виновниц этого. Не случайно, полагали недоброжелатели, умер молодым и ее муж — парс Фероз Ганди. Для парсов его загадочная смерть — дурной знак. Общине парсов в современной Индии непросто, что не мешает процветанию отдельных парсийских кланов, таких как Тага и Вадия.

Тема жизни парсов в Бомбее — главная в романе «Столь долгое путешествие». Уже первые строки книги описывают предутреннюю молитву Ахура Мазде главного героя романа Густада. Примечательно, что экзотические для западного читателя названия, например как «кусти» — пояс правого парса, который он использует во время молитвы, не получают в книге перевода и не снабжены глоссарием, хотя и выделены курсивом. О значении большинства парсийских понятий мы получаем представление из контекста. Они создают особую «этническую» экзотику, обеспечившую популярность книги в Канаде.

Из книг Мистры канадцы европейского происхождения нередко впервые узнавали о парсах. Но много нового канадцы узнают и о представителях других групп населения Бомбея. Делается это ненавязчиво, часто с помощью реплик и обнаженных перед читателем мыслей героев. Вот жена Густада Дилнаваз стоит в очереди за молоком, которым торгует индус, названный в романе просто «братец» (*бхайя*), так к нему обращаются покупатели. Дилнаваз смотрит на бритую голову «братца», на которой лишь в районе темени оставлена часть волос. Она «знала, что это индусский обычай у какой-то касты, она точно не знала какой, но не могла избавиться от мысли, что это напоминало ей крысиный хвост. Когда (бхайя) мазал голову маслом, этот хвостик блестел» [6, р. 3]. Мы отмечаем, что оценка, данная уже первому встреченному в романе индусу, не слишком лестная.

Парсы в романе наделены чувством собственного превосходства, возможно, унаследованным от их более удачливых предков, живших при англичанах и игравших в Бомбее одну из главных ролей. У коров парсов на «Парсийской ферме» и молоко лучше, чем то, что продает, возможно, разбавив водой, «бхайя». У парсов лучшая в Бомбее мебель, некогда производившаяся фирмой «Нобле и сын». Но это все в прошлом, как в прошлом остался лучший в Бомбее книжный магазин отца Густада. Теперь Густад — банковский служащий, и его семья, друзья и соседи словно осажженные на своем острове — в многоквартирном доме Ходадад Билдинг. Многие в доме, хотя и не все, парсы. Это отражает тенденцию на концентрацию тех или иных религиозных групп в определенных кварталах Бомбея.

Район Ходадад Билдинга и округа — парсийские, район Дхоби Талао — христианский, населен преимущественно так называемыми англо-индийцами — потомками от смешанных браков с англичанами, но чаще с другими европейцами, в Бомбее — португальцев с местными жительницами. Христиане, так же как и парсы, — бывшие хозяева города. Их положение в городе тоже пошатнулось с обретением Индией независимости. Школьный приятель Густада Малькольм как раз принадлежит к общине англо-индийцев. Примечательно, что оба учились в престижной школе (колледже) Св. Ксавье, основанной некогда монахами-иезуитами, но в годы независимости ставшей открытой для школьников всех вероисповеданий. Напомним, что в этом колледже учился и сам Рохинтон Мистри, хорошо знавший мир этой школы. С одной стороны, религиозные различия в школе не было принято подчеркивать, с другой стороны, ее ученики-христиане по-прежнему хранили чувство своего превосходства над «язычниками». Отсюда и шуточные споры Малькольма с Густадом о древности их религий. Малькольм не без гордости говорит Густаду:

Христианство пришло в Индию девятнадцать веков назад, задолго до того, как в VII в. ваши персы бежали сюда, преследуемые мусульманами [6, р. 23].

Впрочем, Густад знает, что ответить приятелю-христианину:

Может быть <...> но наш пророк Заратуштра жил более пятнадцати веков до того, как Ваш сын Бога родился. И знаешь ли ты, сколь значительное влияние оказал Заратуштра на индиизм, христианство и ислам? [6, р. 23].

Оба друга признают достоинства религий друг друга. Устами другого персонажа Диншавджи Мистри объясняет причину потери влияния старыми общинами. Это все из-за Индиры Ганди и ее политики:

Она все это начала требованием создания отдельного (штата) Махараштры, и теперь у нас эта проклятая «Шивсена», пытающаяся превратить нас в граждан второго сорта [6, р. 39].

Справедливости ради следует сказать, что создание лингвистического штата Махараштра было частью, точнее, даже завершением программы правившей тогда партии Индийский национальный конгресс по созданию лингвистических штатов. Это программа было предложена «отцом нации» Махатмой Ганди еще в 1930 г. и начала проводиться в независимой Индии с середины 1950-х годов. Другое дело, что эта политика не учитывала тонкостей этнолингвистической ситуации в том или ином штате, той или иной провинции. Двухязычный и многоконфессиональный мегаполис Бомбей вполне заслуживал статуса отдельного штата или города-штата, но ни Махараштра, ни Гуджарат не хотели от него отказываться, победило руководство Махараштры при поддержке центра и местных маратхских общественных организаций, порой весьма воинственных, такие как «Шивсена». О «Шивсене» и ее акциях, например нападении на банк, Мистри пишет с иронией. Он недолюбливает маратхских радикалов. Не без издевки Мистри говорит о том, как после появления охранников-пуштунов с ружьями «эти Сакарамы, Даттарами и Тукарамы лишь скакали вдалеке и оралы (не рискуя приближаться) как жены рыбаков» [6, р. 39]. Примечательно, что здесь герой романа Диншавджи насмехается не только над новоявленными «хозяевами города», прибавляющих имя бога «Рама» к своим именам, но и над низким кастовым происхождением многих из них, ведь рыбаки и их жены, с которыми сравниваются шивсеновцы, — низкокастовые индусы.

Вообще смех Мистри и его героев на грани политкорректности. Вслед за своими героями он пересказывает шутки бомбейцев о сикхах, южанах, гуджаратцах (гуджу), пуштунах [6, р. 56]. Эти шутки небезобидны, но они расцвечивают ткань повествования, дают возможность представить многоконфессиональный мультикультурный Бомбей во всем его разнообразии.

Малькольм, которого Мистри рисует как человека легкомысленного и несдержанного в речи, допускает весьма издевательские замечания по отношению к индусам и почитаемой ими корове. Малькольм говорит, обращаясь к Густаду, который как парс также не является вегетарианцем:

К счастью для нас <...> мы меньшинства в стране индусов. Пусть они едят бобы и прочее <...> Пусть они профукивают свою жизнь <...> Индусы, идущие в ногу со временем, едят козлятину, или курятину, если они хотят казаться современнее. Но мы получим протеин от их священной коровы [6, р. 23].

Книга Рохинтона Мистри получила в Индии неоднозначную реакцию. Некоторые обвинили Мистри в очернительстве власти, оскорблении чувств верующих индусов, но в Бомбее роман полюбили. Либерально настроенные университетские профессора в 2007 г. включили книгу в список рекомендуемой литературы для будущих студентов-филологов. Но тут-то и произошел скандал, не сравнимый по размаху со скандалом, связанным с романом Салмана Рушди «Сатанинские стихи», но имеющий ту же природу. Адитья Тхакре, внук Бал Тхакре, студент колледжа Св. Ксавье, интегрированного в состав Университета Мумбаи, потребовал изъять роман как негативно рисующий маратхское националистическое движение и партию «Шивсена». Мистри был огорчен этим решением и отметил, что критические слова

принадлежат одному из героев — другу и коллеге Густада Диншавджи. Профсоюз университетских работников Бомбейского университета попытался защитить «академические свободы», но за запрет выступил главный министр Махараштры Ашок Чаван.

Столь же неоднозначную оценку и скандальную известность получил другой англоязычный роман, принадлежащий перу, вероятно, наиболее известного англоязычного писателя индийского происхождения. Роман Салмана Рушди «Дети полуночи», опубликованный в 1981 г., также дает изображение судеб героев на фоне непростой истории Индийского субконтинента. Касается Рушди и периода чрезвычайного положения в Индии. Он язвительно описывает вакханалию, которую устроили верные Индире Ганди структуры с провозглашением чрезвычайного положения:

В это время по всей Индии полицейские производили аресты лидеров оппозиции <...> хватали учителей, юристов, поэтов, журналистов, профсоюзных активистов, в общем, всех, кто когда-либо имел неосторожность чихнуть во время речи мадам <...> в тот же самый момент прозвучали слова «чрезвычайное положение», и ограничение гражданских прав, и цензура печати, и вооруженные силы в состоянии боевой готовности, и арест подрывных элементов. Что-то подходило к концу, что-то начиналось [7, с. 651].

Второй роман, третья книга Рохинтона Мистри, «Отличное равновесие» (“Fine Balance”), получивший теплый читательский прием и признанный по результатам опросов читателей книгой, входящей в сотню лучших книг мира, эксплуатирует ту же тему — Индия в годы чрезвычайного положения, но герои этой книги Мистри не только и не столько парсы.

Наконец, третий роман — «Дела семейные» (“Family Matters”) вновь делает тему парсов и общины парсов в Бомбее главной. Роман издан в Канаде в 2002 г. В том же году, а это было вскоре после террористического нападения на города США, Мистри совершил тур по США, где планировал встречу с читателями. Везде в США, куда он приезжал, он сталкивался со слезкой и подозрительностью, ибо, будучи смуглокожим иностранцем, был принят полицейскими и чиновниками на аэродромах за террориста. Свой тур Мистри отменил, но скандальную славу получил и благодаря этому, а роман был переведен на многие языки мира, включая русский.

Тема парсов и их религии — одна из главных в романе «Дела семейные». Не случайно к русскому переводу романа, выполненному Мариам Салганик, прилагается послесловие «О чем говорил Заратуштра», где представлен очерк религии парсов-зороастрийцев [8, с. 690–703]. Тема парсов дана на фоне мультикультурного Бомбея — любимого города Мистри, постепенно превращающегося в огромный, динамичный, но иной по духу Мумбаи, столицу Махараштры. Современный этнический и конфессиональный состав населения города очень пестрый. В Бомбее по-прежнему живут англичане, англо-индийцы, евреи, гуджаратцы и гуджаратизычные, среди которых выделяются группы парсов, джайнов, мусульман-исмаилитов, но большинство — индусы. Выходцы из сельской местности вокруг Бомбея составляют все большую долю населения города, это маратхиязычные бомбейцы, особенно ратующие за употребление современного официального названия «Мумбаи». Наконец, есть выходцы с юга, южане, так сказать «лица мадрасской нацио-

нальности», гастарбайтеры, которых не особенно жалуют ни маратхи, ни старые бомбейцы из числа гуджаратиязычных.

В ткань романа вплетена история зороастрийской парсийской общины, порой данная в виде пересказа публикаций парсийской прессы Бомбея, порой — в диалогах и размышлениях главных и второстепенных героев. Так, в романе появляется рассказ об отце Наримана — главного героя романа, и его письмах в парсийскую газету. Поводом одного из таких писем стала полемика о судьбе общины, возможности ее пополнения за счет смешанных браков.

Однажды священнослужитель совершил церемонию навджоте для ребенка, мать которого была из парсов, а отец иноверец. Событие вызвало споры, полемику и перебранки между реформистами и ортодоксами — такого рода споры вспыхивали в общине парсов с периодичностью эпидемий гриппа <...> Отец Наримана, известный как большой мастер писать письма в газеты, гневно осудил священника. Он писал, что для этого дастура, сбившегося с пути истинного, священная церемония инвеституры — вручения судры и кусты посвящаемому в парсы — имеет не большее значение, нежели повязывание обыкновеннейшего шнура, если судить по той лихости, с которой дастур проделывает ее с каждым и всяким. Что подобные ему ренегаты станут причиной гибели трехтысячелетней религии, что зороастрийство за всю свою славную историю выдержало множество ударов, но чего не могли добиться арабские армии в 632 году нашей эры, то совершат такие священнослужители, как он, подрывающие чистоту этой единственной в своем роде и древней персидской общины, саму основу ее выживания [9, с. 189].

Упомянутая Мистри дискуссия о судьбах общины непосредственно связана с общественной жизнью Бомбея. Многие обеспеченные парсы отдавали своих сыновей учиться в бомбейский Эльфинстон колледж. Выпускник этого колледжа Народжи Фирунджи основал в 1851 г. Молодую Бомбейскую партию, а в 1851 г. — общество «Рахнумаи Маздайаснан Сабха», известное также как Зороастрийское реформаторское общество. Целью общества провозглашалось «бороться с ортодоксией, но без всякого озлобления и ожесточения <...> порвать с тысячью и одним религиозным предрассудком, которые замедляют движение общины к прогрессу и культуре» [1, с. 288]. Ортодоксы-консерваторы утверждают, что они стоят на пути сохранения общины и веры. Споры между либералами-реформаторами и консерваторами-ортодоксами длились более ста лет и продолжаются до сих пор.

И парс Йезад, и индус Капур — патриоты Бомбея.

Помимо общего для них отвращения к Шивсене с ее тупостью и узкомыслием, оба сокрушались по поводу состояния города, который медленно умирал, уничтожаемый властью бандитов и «крестных отцов» мафии, выражаясь газетным языком, «неправедным альянсом политиков, криминалитета и полиции» [9, с. 216].

Капур — индус, беженец из Пакистана. Он говорит о себе:

У нас не было выбора. Мы были вынуждены бежать. Так мы оказались в Бомбее. И Бомбей принял нас хорошо. Отец начал с самого начала, с нуля, и добился успеха. Единственный город на свете, где это возможно. <...> А потому, утверждал Капур, он любит Бомбей особой любовью, куда более пылкой, чем те, кто родился и вырос в Бомбее [9, с. 217].

Как и в романе «Столь долгое путешествие», Мистри дает описание парсийского храма, куда отправляется Йезад, один из главных героев романа:

Он остановился перед дверью в храм, вспомнив, что у него непокрыта голова. Можно прикрыть голову носовым платком, впрочем, он же не собирался заходить в храм <...> Внутренность храма тонула в полумгле, но можно было различить выложенное камнем пространство, похожее на длинную веранду, и каменный парапет, за которым совершаются омовения. В дальнем конце виднелась одинокая фигура, человек вытирал лицо и руки, готовясь к молитве <...> Он выпустил поверх брюк белую ритуальную судру и рубашку, выудил из-под рубашки священный шнур кусти, которым парсы подпоясываются, и начал молиться, развязывая узлы на кусти. Расслабил узелок на поясе и поднял кусти ко лбу. <...> Знакомый жест в неясном свете вдруг пробудил в памяти слова молитвы, которую Йезад много лет не читал: «Ахура мазда кходаи, аз хама гуннах, патер пашерминум...» Он не останавливал слова, всплывающие в памяти и странно радующие его своей незабытостью. А молящийся сложил кусти в две петли и снова поднес шнур ко лбу. Йезад знал, что он сейчас произносит «манашни, гавашни, кунашни», после чего заново завяжет священный шнур [9, с. 434–435].

Герой Мистри вспоминает, сколь многочисленными некогда были собрания верующих парсов в храме:

Его воображение заполняло каменный пол оживленной толпой, которую он привык видеть, когда родители приводили его маленьким в храм на праздники Навроз и Кхордад саль, когда толпа была по-новогоднему разодета, каждый держал в руках сандаловые курительные палочки, и все пробирались к парапету, чтобы омыть руки в серебряном карасио, совершить молитву и поспешить на празднование Нового года. Женщины, носившие сари, как мать Йезада, с легкостью добирались до своих кусти, другим же, одетым более современно и вынужденным поднимать юбки, чтобы развязать узлы на поясе, приходилось укрываться за специальной загородкой. На модниц осуждающе смотрели ортодоксальные дамы [9, с. 435].

Здесь, как мы видим, отражены и отношения между более консервативными и более современными дамами, противоречия, в иной форме отражающие различия между традиционалистами и модернистами (реформистами). Женщины — хранительницы религиозной традиции у парсов. Такова, например, героиня романа «Дела семейные» Роксана. Как пишет Мистри, «для нее обряды и религия значили куда больше, чем для Йезада. После внезапной смерти матери воспитанием Роксаны занималась материнская родня — угрызения совести не позволили Нариману ни в чем противиться родственникам покойной жены. Они учили Роксану молиться, совершили ее *навджоте* — обряд посвящения в парсы, по праздникам водили в храм огня» [9, с. 39].

Вновь звучит у Мистри в романе жесткая критика партии «Шивсена» и ее лидера. Говоря о концерте Майкла Джексона, герой романа Йезад отмечает:

Удивительно, что лидер Шивсены не объявил его врагом чего-то, даже врагом хорошего вкуса не объявил. Ведь этот придурак направо и налево раздает ярлыки «анти» — антиито, антисе. Южане у нас антимомбейцы, Валентинов день — антииндусская затея. Кинозвезды, если они родом из той части Пенджаба, которая после сорок седьмого к Пакистану отошла, предатели родины [9, с. 50].

Рассуждая о творчестве Рохинтона Мистри, канадский литературный критик Дженифер Такхар отмечает:

Как и другие авторы-парсы, Мистри руководствуется опытом двойной потери родины (*double displacement*). Как парс, Мистри видит себя на границах индийского общества, и отсюда неприятие им установки на прославление индусской культуры Индии [5].

Рохинтон Мистри признан в настоящее время одним из самых талантливых индо-английских писателей, но уже несколько лет он не публикует новых романов. Возможно, у автора творческий кризис. Тема парсов в Бомбее разработана подробно, но, вероятно, и исчерпана. То же можно сказать о теме Индии времен чрезвычайного положения. Смею надеяться, что новый роман Мистри будет посвящен парсам или — шире — выходцам из Южной Азии в Канаде.

Литература

1. *Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи* / пер. М. И. Стеблин-Каменского. СПб.: Петербургское востоковедение; Азбука-Классика, 2003. 342 с.
2. *Соколов С. Н. Зороастризм // Авеста в русских переводах (1861–1996)* / под ред. И. В. Рака. СПб., 1997. С. 7–21.
3. *Крюкова В. Ю. Зороастризм*. СПб.: Азбука-Классика; Петербургское востоковедение, 2005. 285 с.
4. *Malieckal B. Rohinton Mistry // Asian American Novelists: a Bio-Bibliographical Sourcebook* / ed. N. E. Sampath. London; Toronto: Greenwood Publishing Group, 2000. P. 219–228.
5. *Takhar J. Rohinton Mistry, Writer from Elsewhere // Canadian Literature and Culture in the Post-Colonial Literature and Culture*. URL: <http://postcolonialstudies.emory.edu/wp-admin/post.php?post=205&action=edit> (дата обращения: 12.05.2014).
6. *Mistry R. Such a Long Journey*. London: Faber&Faber, 1992. 339 p.
7. *Рушди С. Дети полуночи*. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2006. 759 с.
8. *Салганик М. Что говорил Заратустра // Мистри Р. Дела семейные* / Пер. М. Салганик. М.: Росмэн, 2005. С. 690–703.
9. *Мистри Р. Дела семейные* / пер. М. Салганик. М.: Росмэн, 2005.

Referens

1. Bois M. *Zoroastriitsy. Verovaniia i obychai* [*The Zoroastrians*]. Transl. by M. I. Steblin-Kamenskii. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ.; Azbuka-Klassika Publ., 2003. 342 pp. (In Russian)
2. Sokolov S. N. *Zoroastrizm* [*Zoroastrism*]. *Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [*Avesta in Russian translations (1861–1996)*]. Ed. by I. V. Rak. St. Petersburg, 1997, pp. 7–21. (In Russian)
3. Kriukova V. Iu. *Zoroastrizm* [*Zoroastrism*]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ.; Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2005. 285 pp. (In Russian)
4. Malieckal B. Rohinton Mistry. *Asian American Novelists: a Bio-Bibliographical Sourcebook*. Ed. by N. E. Sampath. London, Toronto, Greenwood Publishing Group, 2000, pp. 219–228.
5. Takhar J. Rohinton Mistry, Writer from Elsewhere. *Canadian Literature and Culture in the Post-Colonial Literature and Culture*. Available at: <http://postcolonialstudies.emory.edu/wp-admin/post.php?post=205&action=edit> (accessed 12.05.2014).
6. Mistry R. *Such a Long Journey*. London, Faber&Faber, 1992. 339 p.
7. Rushdi S. *Deti polunochi* [*The Midnight's Children*]. St. Petersburg, Moscow, Limbus Press Publ., 2006. 759 pp. (In Russian)
8. Salganik M. *Chto govoril Zaratushtra* [What Zaratushtra said]. *Mistri R. Dela semeinye* [*Mistry R. Family Matters*]. Transl. by M. Salganik. Moscow, Rosmen Publ., 2005, pp. 690–703. (In Russian)
9. Mistry R. *Dela semeinye* [*Family Matters*]. Transl. by M. Salganik. Moscow, Rosmen Publ., 2005. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 14 октября 2015 г.

Контактная информация

Котин Игорь Юрьевич — доктор исторических наук; i.kotin@spbu.ru

Kotin Igor Yu. — PhD; i.kotin@spbu.ru